

ББК ТЗ(2)622,1
УДК 94(470) "1939/1940"

В. В. Горопашный
V. Goropashny
г. Челябинск, ЮУрГУ
Chelyabinsk, SUSU

**СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА 1939–1940 Г.: ОТРАЖЕНИЕ
В СОВЕТСКИХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
SOVIET-FINNISH WAR OF 1939–1940:
RECOGNITION IN THE SOVIET MEDIA**

Аннотация: Статья затрагивает события Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Работа основана на изучении материалов как центральной, так и периодической печати, воспоминаниях участников и делопроизводственных документах советской стороны. Непосредственным объектом изучения стало отражение развития конфликта в советских средствах массовой информации. Рассматривается степень достоверности представляемых данных, основные линии пропагандистской кампании, приемы формирования образа врага.

Ключевые слова: Советско-финляндская война; СМИ; пропагандистская кампания; образ врага.

Abstract: Article touches on events of the Soviet-Finnish war of 1939–1940. The work is based on the study of materials both central and periodicals, memoirs of participants and business documents of the Soviet side. The direct object of the study was the recognition of the conflict in the Soviet media. We consider the reliability of the reported data, the main lines of a propaganda campaign methods of forming the image of the enemy.

Keywords: Soviet-Finnish War; media propaganda campaign; the image of the enemy.

Фундаментом актуальности данной работы является возможность проведения различных частных аналогий с современной внешнеполитической ситуацией, а именно: изучение предпосылок конфликта, приемов, направленных на формирование образа врага. Это, в свою очередь, может быть полезным при анализе конфликтов между мировыми державами и малыми странами (примером могут послужить недавние события в Северной Африке и на Ближнем Востоке). Таким образом, Советско-финляндская война и сопутствующие ей аспекты (иностранный помощь Финляндии, реакция иностранных держав и т. д.) являются важными объектами для изучения.

Еще одним моментом, объясняющим интерес к изучению Советско-финляндской войны в разных ее аспектах и проявлениях, является недостаточная изученность темы: в отечественной историографии относительно непредвзятое изучение данной темы началось лишь два десятилетия назад, а в зарубежной,

за исключением финляндской, к ней не проявляют достаточного интереса. Количество фундаментальных трудов по-прежнему можно считать недостаточным. Также тема обладает высокой степенью дискуссионности, связанной с внешне-политической обстановкой в мире конца 1930-х – начала 1940-х годов.

В октябре 1939 года начинается новый этап переговоров между СССР и Финляндией об обеспечении безопасности северо-западных границ Советского Союза. При этом исходной была постановка вопроса делегацией СССР о возможности заключения между странами пакта о взаимопомощи [1, с. 61]. Однако уполномоченный финляндского правительства Ю. К. Паасикиви, следуя полученным в Финляндии инструкциям, отверг это предложение, заявив, что заключение подобного договора противоречит «политике нейтралитета северных стран» [8, с. 229]. После этого И. В. Сталин, лично возглавлявший советскую делегацию, внес предложение заключить договор о совместной обороне Финского залива, но и оно было отклонено. После этого и было выдвинуто предложение о перемещении границ на Карельском перешейке в обмен на вдвое большую территорию Советской Карелии (также важной для Финляндии в стратегическом плане), ряда островов в Финском заливе: Гогланд, Лаваансаари, Тютярсари, Сейскари, и передачи в аренду небольшого участка на полуострове Ханко для организации военно-морской базы. Впрочем, и эти условия не встретили одобрения противоположной стороны.

Именно с началом этих переговоров и первыми, возникшими в их ходе трудностями связано начало процесса акцентирования внимания советских читателей на агрессивном поведении финляндского правительства. Процесс был запущен докладом В. М. Молотова, в котором говорилось о готовности СССР идти на компромиссы: «Мы сделали также ряд новых шагов навстречу Финляндии. Мы сказали, что, если будут приняты наши основные предложения, мы готовы снять наши возражения против вооружения Аландских островов (при условии, что там не будет иных третьих сторон)» [6, 2.XI.1939]. И в свою очередь подчеркивалось нежелание финнов идти на компромисс. Так, в «Правде» приводится ссылка на финскую газету «Суоми сосиали-демократи»: «... Предложение о создании военно-морской базы у северного входа в Финский залив будет рассматриваться, как „угроза западу“» [5, 3.XI.1939]. Но ключевое значение в закреплении эффекта от публикации доклада Молотова имела статья «К вопросу о советско-финляндских переговорах». Здесь разные точки зрения и взаимные обвинения приводятся в одном тексте, что несомненно усиливает пропагандистский эффект. Этой же цели способствует обширное цитирование министра иностранных дел Финляндии г-на Эркко: «Требование СССР касается, якобы, отдаления границы у Ленинграда на несколько километров. Но с точки зрения Финляндии, это – русский империализм... Финляндия не может пойти на предложение Советского Союза и будет защищать любыми средствами свою территорию, свою неприкосновенность и независимость» [6, 5.XI.1939]. Таким образом, перед читателем как центральной, так и региональной печати в самых общих чертах прорисовывается образ завравшегося и самоуверенного еще не противника, но уже явно не друга. Вслед за этим последовал период заметок и статей, различных

по объему, но единых в своей цели – дискредитировать финляндское правительство, показать раскол финского общества на эксплуатируемых и эксплуататоров.

Уже в начале ноября в советских газетах можно было обнаружить материалы следующего характера: «Финляндским правительством был предпринят ряд чрезвычайных мероприятий, понятных только в условиях страны, готовящейся к войне: эвакуация городского населения, мобилизация запасных» [6, 4.XI.1939]. Впрочем, Карл Маннергейм в своих мемуарах отмечает совсем иной характер мобилизации общества для военных нужд: «Добровольцы равномерным потоком шли со всей страны на Карельский перешеек, где представители всех групп населения в течение четырех месяцев трудились бок о бок, жертвуя своими летними отпусками во имя обороны страны» [3, с. 237].

Еще ряд упоминаний о широкой военной подготовке Финляндии мы можем обнаружить в заметках об экономическом положении страны, например: «Огромные военные расходы нанесли тяжелый удар по экономике Финляндии» [5, 26.XI.1939]. Также в «Челябинском рабочем» был опубликован диалог с неким иностранным корреспондентом, в котором подчеркивается не только виновность финнов, но и мирное состояние советской стороны границы: «Всюду маршируют солдаты, город Випури и окрестные селения погружены в темноту. Жители молчаливы и подавлены. Повсюду вырыты окопы, устроены проволочные заграждения и газоубежища... – Слышали? Белградское радио сообщило, что русские сосредоточили у Финской границы 2 или 3 дивизии – Но это же очень мало. Ведь финны сосредоточили 7 дивизий» [6, 21.XI.1939].

Ключевым и поворотным пунктом всех советско-финских отношений на протяжении осени 1939 года стали события 26 ноября того же года, позднее названные «Майнильским инцидентом». В этот день на пограничном участке близ деревни Майнила было произведено 7 артиллерийских выстрелов. Командарм 2-го ранга К. А. Мерецков описывает эти события так: «26 ноября я получил экстренное донесение, в котором сообщалось, что возле селения Майнила финны открыли артиллерийский огонь по советским пограничникам. Было убито четыре человека, ранено девять» [4, с. 182].

Так, в газете «Правда» от 27 ноября 1939 года мы обнаруживаем целый блок публикаций под красноречивыми заголовками: «Наглая провокация финляндской военщины», «Наглая провокация финляндской военщины вызвала огромное возмущение трудящихся нашей страны», «На удар провокаторов ответим тройным ударом» и т. д. В них приводится краткое описание произошедшего инцидента» [5, 27.XI.1939]. Здесь же приводится текст ноты советского правительства по поводу «провокационного обстрела»: «Советское правительство не намерено раздувать этот возмутительный акт нападения... предлагает Финляндскому правительству незамедлительно отвести свои войска подальше от границы на Карельском перешейке – на 20–25 километров, и тем предотвратить возможность новых провокаций» [5, 27.XI.1939].

Эмоциональное отношение формировали резолюции митингов рабочих различных предприятий страны, наполненные согласием трудового народа с действиями правительства и готовностью с оружием в руках защищать интересы

государства: «Мы попросили финскую военщину отойти подальше, километров на 20–25 от нашей границы. Не отойдет – отбросим!»

Следующим шагом, завершающим формирование у советского читателя образа расколотой внутренними противоречиями страны, стало сообщение о формировании Народного Правительства Финляндии. Здесь же приводится и перевод с финского Декларации Народного Правительства Финляндии. Упор в ней ставится на неприятие всем финским народом правительства как Каяндера, так и Таннера. Подчеркивается «империалистический и белогвардейский» характер этих правительств, миролюбие Советского Союза. Упоминается создание первого финского корпуса и, в неявной форме, надежда на помощь РККА. Отмечается, что ни о каком советском государстве на данный момент речь идти не может [5, 2.XII.1939].

Это утверждение позволяет предположить, что включение Финляндии в состав Советского Союза не являлось целью данного военного конфликта, по крайней мере на данном этапе. Впрочем, планируемые действия несомненно ускорили бы процесс становления «советского государства».

С началом непосредственных боевых действий к традиционным сюжетам антифинляндской пропаганды добавился новый – повествующий о победах и успехах Красной Армии. Так, уже 2 декабря 1939 г. в оперативной сводке Штаба Ленинградского Военного Округа сообщалось о занятии Петсамо и Териоки, продвижении на 20–25 километров от госграницы СССР, уничтожении 10 финских самолетов [6, 2.XII.1939]. Такие сводки представляли собой сухие выжимки, неспособные усиливать воздействие на читателя, вызывать эмоциональную реакцию. На это были направлены материалы другого толка, снабженные подробностями о «зверствах белофиннов», героизме красноармейцев и их командиров. Так, в заметке «Коварный и злобный враг» [6, 2.XII.1939]. Затрагивались многие аспекты, важные в пропаганде военного времени: «Красная Армия продвигается вперед. По рассказам пленных, офицеры сбежали с передовых позиций сразу же после первых залпов нашей артиллерии» [6, 2.XII.1939], – эта цитата подчеркивает отсутствие организованного сопротивления частям КА, а также их значительное превосходство над противником. «Солдат обманывали во всем. Им говорили, что Советский Союз хочет насильственно присоединить к себе Финляндию. От них скрыли факт передачи Вильно Литве. Их уверяли, что Красная Армия расстреливает пленных, что она подвергает их пыткам» [6, 2.XII.1939], – эта цитата объясняет причину появления сопротивления вообще, говорит о его недобровольном характере. А саркастический тон предложения о мнимых преступлениях Красной Армии в очередной раз как бы напоминает о справедливом характере ее действий.

В целом же, советскими пропагандистами в три месяца данной войны проделана огромная работа. Им удалось создать образ благородной и непобедимой армии, не нарушить логичности этой картины несмотря на окружение 163-й стрелковой дивизии, о котором советский читатель тогда не узнал. Окружение и разгром 44-й стрелковой дивизии наиболее показателен в этом плане. Штаб ЛВО, опровергая приведенные в иностранной печати потери дивизии в 14 000 человек, говорит об общей численности дивизии в 10 000 человек. Потери приводятся

в 900 человек (не уточняется, боевые это потери или санитарные), «причем потери эти объясняются больше внезапно наступившими морозами, чем действиями финских войск», также для сохранения имиджа подразделения и армии говорится о финляндских потерях в 2 000 человек в этом же районе [6, 14.I.1940].

Однако формулировки, использованные в приказе Главного военного совета от 19 января 1940 г. о расстреле командования 44-й сд, были куда менее красочны, чем те, что использовались в «Опровержении Штаба ЛВО». В них дивизия обвинялась в неоказании должного сопротивления противнику, постыдном оставлении имущества, слабой военной выучке. Высшее командование дивизии (Виноградов, Пахоменко и Волков) и вовсе было обвинено в «шкурничестве» [1, с. 587; 2, с. 267].

Еще одним пунктом, приближающим нас к развязке описываемых событий, стало освещение советскими СМИ успехов Красной Армии на Карельском перешейке. В основном оно происходило посредством публикации материала в оперативных сводках штаба ЛВО и приведении статей из тех или иных иностранных газет, говорящих об успехах советских войск. Так, первое упоминание об успешном ведении боев на Карельском перешейке мы обнаруживаем в оперативной сводке за 8 февраля 1940 года: «Продолжавшиеся в последние дни на Карельском перешейке стычки передовых пехотных частей привели к занятию нашими частями укрепленного района Хотинен (район Сумма) с восьмью железобетонными артиллерийскими сооружениями». И еще несколько дней поступали данные о новых занятых укрепленных районах.

Так или иначе, но бойцы Красной Армии, встречая яростное сопротивление финляндских войск, смогли прорвать их оборонительные рубежи и устремились вглубь финляндской территории. Советские войска подошли к Выборгу, был начат его штурм. Но 12 марта 1940 года был подписан Советско-финляндский мирный договор.

С точки зрения нашего исследования, наиболее интересным является тот факт, что средства массовой информации заверяли читателей в успешном завершении кампании и выполнении всех задач, поставленных перед ней [5, 13.III.1940]. Если говорить точнее, то в этих публикациях резко «забыли» о правительстве Куусинена, белогвардейском правительстве Маннергейма и обещаниях «освободить» финляндский народ от него. В этих публикациях внимание было предельно сконцентрировано на том, что в результате действий героической Красной Армии была обеспечена безопасность Ленинграду с его трехмиллионным населением.

Таким образом, советская пропаганда занималась естественным для любой воюющей страны делом – скрывала неудачи и превозносила успехи собственной армии; продемонстрировала высокий уровень эффективности, но при этом отличалась консервативностью, использованием сведений, идущих вразрез с современными реалиями, неспособностью гибко реагировать на изменения политической обстановки.

Библиографический список

1. Барышников, Н. И. Финляндия во второй мировой войне : монография / Н. И. Барышников, В. Н. Барышников, В. Г. Федоров. – Л. : Лениздат, 1989. – 336 с.
2. Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД: По материалам Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области / авт.-сост. С. К. Бернев, А. И. Рупасов. – СПб. : ЛИК, 2010. – 320 с.
3. Маннергейм, К. Г. Мемуары / К. Г. Маннергейм. – М. : Вагриус, 2000. – 509 с.
4. Мерецков, К. А. На службе народу / К. А. Мерецков. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1988. – 447 с.
5. Правда: орган ЦК КПСС (издается с 5 мая 1912 года). – 1939–1940.
6. Челябинский рабочий (издается со 2 февраля 1926 года). – 1939–1940.
7. Широкоград, А. Б. Северные войны России : монография / А. Б. Широкоград ; под ред. А. Е. Тараса. – М. : АСТ ; Мн. : Харвест, 2001. – 848 с.
8. Никифоров, Ю. А. Некоторые тенденции освещения истории Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в отечественной историографии / Ю. А. Никифоров, Р. Ф. Субханкулов // 65 лет Великой Победы : в 6 т. ; под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. – М. : МГИМО – Университет. – Т. II. – С. 102–113.